

Предисловие

Однажды мне захотелось написать книгу о фигурном катании. Что-нибудь романтическое, наполненное атмосферой льда и соперничества, драматичное — в спорте иначе не бывает. Одна беда: я слишком мало знала об этом спорте, чтобы писать о профессионалах.

Тогда я вооружилась гуглом, нашла клуб фигурного катания для взрослых и пришла на каток. Я собиралась взять пару уроков, расспросить тренера о буднях фигуристов и написать небольшую повесть о любви на льду.

Любовь на льду действительно случилась, только не в книге, а в реальности, и любовь возникла к спорту. Ограничиться парой занятий не получилось. Книгу я отложила, а тренировки продолжились. Сейчас, спустя пять лет, я все еще на коньках. Вряд ли мои занятия можно назвать фигурным катанием в полной мере (все же инстинкт самосохранения после двадцати только растет), но никогда в жизни я не подумала бы, что буду покупать профессиональные коньки, изучать прыжки и тренировать скольжение. Теперь фигурное катание — хобби и отдушина, значимая часть жизни.

Главное из того, что я узнала о фигурном катании: я ничего не знаю о фигурном катании. Между

любительским спортом и спортом высоких достижений пропасть, и неизбежно любая романтическая история перерастает в драматическую — о том, как ради спорта ломаются судьбы, закаляются характеры, сбываются и рушатся мечты.

Рушить мечты героев не хотелось.

Поэтому все события в «Не прикасайся!» вымышлены, а реалии нарочно искажены. В первую очередь это книга не о спорте, а о любви. О том, как выбраться из тьмы, найти в себе силы простить и полюбить, научиться нести ответственность за слова и поступки. Им обоим, Настасье и Алексу, необходимо этому учиться.

В романе много допущений, которые знакомые с миром фигурного катания читатели назовут невозможными. Тот, кто занимался хоккеем, не может стать тренером фигуристов. Та, что провела годы без зрения, не может восстановить физическую форму и прыгнуть тройной аксель. А зрение, потерянное так давно, невозможно вернуть.

Вероятно, в этом есть разумное зерно, однако эта история в первую очередь сказка. Она о том, как избалованный мальчик-мажор, представший однозначным отрицательным героем в книге «#Золушка в постель» превратился в целеустремленного и жесткого бизнесмена. Она о том, как талантливая, но глупая спортсменка повзрослела и преодолела себя.

Поэтому я разрешила себе немного допущений. Чтобы сказка была волшебнее. Чтобы нечеловеческие усилия героев вознаграждались чудесами.

Я надеюсь, за фасадом истории «18+» читатели увидят не только горячие и острые сцены, но и пресловутое «что хотел сказать автор». Здесь нет

идеальных героев, которые точно знают «как надо» и что такое здоровые отношения — то, о чем сейчас кричат из всех углов. Порой люди причиняют друг другу боль, ранят равнодушием и обижают резкостью. У Алекса и Настасьи просто не было примеров настоящей семьи. Но главное в их истории то, станут ли они таким примером для других.

А я благодарна этой книге за то, что однажды мироздание нашептало ее сюжет и познакомило меня с прекрасным спортом, который, я надеюсь, останется частью моей жизни еще очень долго. И кто знает, может, хрупкая, но талантливая девочка Настя вдохновит встать на коньки кого-то из вас?..

*С любовью к своим
читателям, тренерам и команде,
благодаря которой «Не прикасайся!»
ворвется в ваши сердца.*

Пролог

— **П**опалась!
Шум машин, гул ночного города, музыка из баров и ресторанов — все смешивается в единую какофонию звуков, от которой раскалывается голова. Я не могу дышать, но не потому, что мужские руки сдавливают грудь, а потому, что снова слышу его голос. Он очень близко, дыхание обжигает кожу. Мне кажется, я слышу, как бьется сердце мужчины, но на самом деле это лишь иллюзия перепуганного мозга.

— Пусти! — рвусь на свободу, но не так-то просто сдвинуть его руки хотя бы на миллиметр.

— Думаешь, можно разрушить мою репутацию и просто сбежать? Нет уж, крошка, так не пойдет. Хотела войны? Сейчас получишь.

— Пусти! Я буду кричать!

— Кричи сколько угодно, ориентировки на тебя передали ментам с пометкой, что ты буйная и неадекватная.

— Я не буйная! — задыхаюсь от возмущения.

— Я вижу.

— Отпусти немедленно!

К моему удивлению, он вдруг слушается. Я не чувствую опоры и отшатываюсь, но, к счастью, успеваю опереться на стену и не падаю.

— Отпустил. Куда побежишь? Я ведь все равно догоню. Зачем ты хочешь сделать себе больно, Настасья?

— Не стыдно издеваться над слепой девушкой?

— Не стыдно втыкать мне нож в спину после всего, что я для тебя делал?

— Ты разрушил мою жизнь!

— И ты решила разрушить мою в ответ? Давай посмотрим, что у тебя выйдет. И до чего ты доиграешься...

Я оказываюсь зажата между стеной и его телом, хотя разницы никакой: стальные мышцы под моими ладонями внушают иррациональный страх. Да он же одним движением способен стереть меня в порошок! И о чем я только думала?

Но я знаю о чем. Мне было обидно. Так обидно, что разум отключился, уступил власть эмоциям. Я перешла дорогу Алексу Крестовскому, и теперь он это так не оставит, его, в отличие от большинства, не трогает вид хрупкой девочки в черных очках. Ему плевать на меня, для него существует только его репутация, его жизнь, его успех, ради которого он шагает по головам и судьбам.

Чувствую, как губ касаются холодные пальцы, отворачиваюсь в последнем, несбыточном желании оказаться где-нибудь далеко-далеко...

— Не трогай меня! Не смей... не прикасайся!

Глава 1

Настасья

Я сижу в холле и слушаю интервью. В голове четкая картинка: широкоплечий спортивный мужчина с короткими светлыми волосами сидит на стуле в студии и улыбается так, как умеет только он. С прищуром, с искорками во взгляде, самоуверенно и небрежно.

— Вы — интересная личность в мире фигурного катания. Насколько я понимаю, у вас нет опыта выступлений в этом виде спорта.

— Верно. Я занимался хоккеем.

— И как же так вышло, что сейчас сразу две ваши ученицы претендуют на место в сборной?

— Наверное, я хороший организатор. Надо понимать, что, когда мы говорим о тренерском штабе Александра Крестовского, мы имеем в виду не только меня, но и мою команду. Это Алевтина Сергеева, тренер, занимающийся скольжением. Георгий Демченко, он ставит прыжки. Хореографы Елизавета и Макар Рябцевы. Директор «Эдеа-элит» Сергей Крестовский. Это лишь основной состав штаба, в нем есть известные фигуристы, олимпийский вице-чемпион.

— Но все же медийное лицо группы — именно вы.

— Я начинал с подкаток хоккеистов. В основном это были дети, которые едва стояли на коньках. Од-

нажды мне предложили взяться за подкатки фигуристки, совсем крошечной девочки, она позже завершила карьеру и решила развиваться в сторону образования. Тогда я понял, что мне интереснее работать с фигуристами. Я действительно хороший организатор. Это не значит, что я ничего не понимаю в том виде спорта, в котором работаю. Скорее наоборот: я понимаю в нем все и этим избавляю свою команду от проблем.

— Вы имеете в виду влияние в федерации?

— Не только это... точнее, не столько это. — Я слышу, как он усмехается. — Я технарь до мозга костей. Я вижу спортсмена и могу просчитать его максимум, я знаю правила, все до мельчайшей надбавки за поднятую при прыжке руку или дотянутую при вращении ногу. Это то, что не могут делать многие великие тренеры: отбрасывать личное и смотреть на спортсмена как на куклу с заданным количеством степеней свободы.

— Трудно работать с девушками?

— Трудно работать с ленивыми. А какого они пола — неважно.

— Кого из одиночниц назовете прямой группы?

— Кого бы я ни назвал, лед скользкий. Посмотрим, что будет на стартах.

— Не могу не спросить об Анастасии Никольской.

Я резко выпрямляюсь в кресле и хватаю со столика журнал, чтобы закрыть лицо. Зачем отец привел меня сюда?! А если кто-нибудь меня узнает?

— Подающая надежды фигуристка вдруг перестала выступать. Что случилось? Пресса винила во всем конкуренцию, мол, не выдержала, испугалась.

— Об этом вам лучше спросить ее родителей.

— Они, насколько мне известно, не публичные люди.

— Тогда мне остается только посочувствовать. Думаю, Анастасия выиграла достаточно, чтобы не жалеть о последствиях своего выбора.

Когда я слышу эти слова, меня накрывает яростью. Как он смеет вообще произносить мое имя! Говорить о выборе! Черт, я совершенно явственно слышу в его словах и намек, и усмешку. В интервью федеральному каналу нельзя говорить «она сама виновата в том, что потеряла зрение и не смогла вернуться в спорт, пусть скажет мне спасибо, что взяла хоть парочку медалей!».

Но я не хочу говорить спасибо, я хочу, чтобы Алекс Крестовский исчез с лица Земли, только вряд ли мироздание услышит мои желания. Пока что ни одно из них не сбылось.

— Но все же конкуренция между Никольской и Гавриловой имела место быть?

— Разумеется, без конкуренции развитие становится невозможным.

— Вы, как тренер, можете дать оценку: кто тогда все же был сильнее?

— Мне кажется, жизнь все расставила по местам. Гаврилова — чемпионка мира. Никольская завершила карьеру. Вы всерьез спрашиваете, кто из них был сильнее?

Я не могу больше это слушать. Каждое слово — лезвие, втыкающееся в сердце. Да, это Александр Крестовский. Тренер, о котором говорит весь мир, чье фото украшает обложки журналов. Он не берет детей из обычных семей и не делает чемпионов из работающих девочек. Каждая его спортсменка — пиар-проект, он получает сумасшедшие деньги

от родителей не только за то, что дети привозят грамоты и медальки. Крестовский — мост к головокружительной карьере даже вне спорта. Это связи, контракты, реклама.

Это мой кошмар и мое проклятие.

Беру трость и поднимаюсь. В коридоре никого, сейчас как раз идут тренировки, так что можно спокойно пройти, не боясь столкнуться с кем-нибудь и услышать: «Ты че, слепая?!»

Свободной рукой я веду по стене, отсчитывая двери. Одна... вторая... третья. Я знаю этот коридор как свои пять пальцев, я столько лет ходила по нему. И эту дверь знаю, и даже могу вызвать в памяти табличку «Крестовский Сергей Олегович, директор». Брат Алекса, директор спортивного клуба. Раньше я могла запросто напроситься к нему на беседу, обсудить соревнования или тренировочный процесс. Мне нравилось у него бывать.

Сейчас тошно, потому что хоть я и не вижу, все равно чувствую жалость. Каждый, кто четыре года назад смотрел на меня и восхищался, сейчас сокрушается и стенает. «Настенька, как же так... ты ведь была такой спортсменкой!» Как будто я не ослепла, а сдохла.

Останавливаюсь у двери и прислушиваюсь. За четыре года жизни в темноте я научилась слушать и слышать. Это не тот феноменальный слух, о котором пишут в романах, но все же мозг старается хотя бы частично компенсировать утраченный орган чувств.

Я слышу разговор отца и директора.

— Борис Васильевич, я все понимаю, — терпеливо и явно не в первый раз объясняет Сергей Олегович, — но у меня нет тренеров, работающих с ин-

валидами. Для этого нужно особое образование, лицензия. Что я буду делать, если придет проверка?

— Все вопросы с проверками я возьму на себя, но, Сергей, вы ведь и сами понимаете, что никому не нужно проверять, имеют ли в вашем клубе право заниматься со слепой девушкой. Ну поймите вы меня, ей это нужно.

— Я понимаю. Но это опасно, Борис Васильевич. Даже слабослышащим опасно находиться на льду, а слепой? А если ее собьют? Если она упадет?

— Я готов выкупать арену на тот час, что Настасья будет на льду.

— И что прикажете мне делать с другими спортсменами? У нас нет аренды льда.

— А у меня одна дочь! И она с ума сходит дома, она каталась всю жизнь, ей нужен лед, ей нужны долбаные коньки! Неужели сложно найти кого-нибудь, кто просто покатает ее за ручку по кругу?!

— Хорошо, — вздыхает директор. — Я попробую кого-нибудь найти. Аренда льда стоит тридцать три тысячи. Работа тренера — пять. Это будет вечернее время, после двадцати одного, в рабочие часы я не могу закрывать арену.

— Идет. Три раза в неделю.

— Два.

— Ладно, — ворчит отец. — Пришлите мне счет на месяц, я оплачу.

— А если Анастасия не захочет кататься? Не такто просто встать на лед после того, как выносила всех в одну калитку.

— Если бы вы ее с этапа не сняли, может, и сейчас бы выносила.

Отец поднимается: я слышу скрип ножек стула по паркету и отскакиваю от двери, делая вид, что

просто прогуливаюсь. Открывается дверь, выходят двое.

– Привет, Насть, – говорит Сергей Олегович.

– Здравствуйте.

– Как дела?

Я пожимаю плечами. Неловкая пауза – почти обязательный элемент в программе. Как у меня могут быть дела? Лучше, чем если бы лежала в могиле, но хуже, чем если бы вообще не садилась в ту машину.

– Идем, – бросает отец.

Берет меня под руку и ведет к лифту.

– Будешь ходить и кататься с тренером два раза в неделю, по вечерам.

– А если я не хочу?

– Это рекомендация врача, а не моя прихоть, Анастасия. Ты обещала делать то, что он скажет. Это важно для твоего здоровья.

– Да ему плевать, – бурчу я, – на меня и мое здоровье. Он отработывает деньги и методичку.

Но с отцом спорить бессмысленно, он все равно привезет меня сюда, со скандалом или без. Спустя четыре года я возвращаюсь на лед, только теперь вместо статуса подающей надежды фигуристки, претендующей на место в сборной, я – в группе здоровья для инвалидов.

Просто прекрасно. Головокружительная карьера.

Алекс

– Алекс, ты можешь не быть таким мудаком?!

– Это риторический вопрос?

– На хер ты Коновалова послал публично? Ты в своем уме?

НЕ ПРИКАСАЙСЯ!

15

— Надя, он задрал со своим экспертным мнением. Пусть высказывает его оттуда, куда я его отправил.

— Он заслуженный тренер!

— Будет выпендриваться — будет засуженный. Я устал ловить в свой адрес тонны дерьма. Если им всем «Элит» стоит поперек горла, то пусть катятся к чертям. Я не виноват, что вкладываю бабло в бизнес, а они всем клубом на трусы спортсменам скидываются. Доходчиво пояснил?

Надя закатывает глаза.

— День, когда я согласилась у тебя работать, стал черным!

— Главное, чтобы таким не стал день, когда ты стала со мной спать. Обидно будет.

Но, похоже, я крепко выбесил ее сегодня. Надя даже не смотрит в мою сторону, быстро одевается и заплетает длинные рыжие волосы в косу. А я так и лежу на диване с расстегнутыми штанами и думаю о том, что в следующий раз перед тем, как трахаться, запру ее телефон в сейф. Чтобы оргазм не сопровождался выносом мозга.

— Я не могу создавать тебе репутацию, когда ты шлешь всех на три буквы в инсте, язвись в твиттере и рассказываешь в интервью, что слепая девочка сама виновата в том, что ее карьера закончилась.

— Она виновата. Она пьяная въехала в столб или куда там.

— Ее семья просила не выносить подробности.

— Я и не вынес. Но мы с тобой уже об этом говорили. Я не желаю, чтобы капризы и закидоны Никольской отразились на мне и штабе. Дурная девка психанула, когда с ее головы сняли корону, а роль злодея отвели мне. Нет уж, радость моя, не в этот раз.

— Будь моя воля, я бы тебя уволила.

— Нет, — довольно усмехаюсь, — ты бы мне еще раз дала.

Надя закатывает глаза и, цокая каблукками, уходит, оставляя меня в задумчивости валяться на диване. Надоело. Надоело оправдываться во всех интервью за то, что не беру талантливых спортсменов из простых семей. Надоело объяснять, что я работаю не на федерацию и не на медали, а на семейный бизнес. Надоело тыкать носом всяких «Мы приехали из Урюпинска, у нас такая талантливая девочка, пипец как хотим на Олимпиаду» в расценки.

Тренировки закончились, народ разбрелся по домам. Я хотел посидеть над программами к будущему сезону, но Надя явилась меня отчитывать, заткнуть ее получилось, только трахнув, и теперь как-то не до возвышенного катания под Рахманинова.

К черту. Поеду домой. Закажу что-нибудь пожарить и гляну какой-нибудь тупой боевичок. Все равно на работе делать уже нечего, через полчаса, конечно, на лед выйдет репетиция осеннего шоу, и можно задать жару бездельникам, но, с другой стороны, — хватит с них того, что приходится тренироваться в десять вечера, ибо какой-то идиот снял арену на час.

Но в последний момент, когда я уже закрываю кабинет, что-то заставляет резко развернуться и идти в раздевалку. Прокачусь перед дорогой, проветрю мозги. Может, гляну на начало тренировки, тем более там есть на что посмотреть.

Группа уже толпится в «предбаннике», готовая высыпаться на лед, а из противоположного конца выезжает заливочная машинка. Да твою же мать,

НЕ ПРИКАСАЙСЯ!

17

и здесь не успел. Теперь придется ждать, пока готовят лед.

Я вдруг вижу на катке одинокую фигуру и кричу:

— Какого хрена встала?! Сеанс кончился, сейчас заливка пойдет!

Девушка то ли не слышит, то ли думает, что это не ей. Но как можно не замечать здоровенную машину и горящую на табло надпись: «Идет подготовка льда. Просьба покинуть арену».

— Эй! Ты слепая?! — ору я, выезжая на лед и направляясь к девушке.

Она растерянно оборачивается, и я едва не лечу носом вперед, запнувшись о зубцы.

Она слепая. Твою мать. Это Настасья Никольская.

Что она делает на льду? И почему я на нее плююсь как дурак, словно никогда не видел слепых симпатичных девчонок?

Она все еще точеная как статуэтка. Худенькая, невысокая, с длинными русыми кудрями. В стильном спортивном костюме, в знакомых коньках, слегка потрепанных в той, прошлой, жизни, где еще были соревнования и тренировки. Только одна деталь не вписывается в образ фигуристки: черные очки, закрывающие половину лица.

Я не видел ее оправившейся после аварии. В последний раз приходил к ней в палату, но она практически сразу велела убираться прочь, и с тех пор я вычеркнул Анастасию Никольскую из своего окружения.

— Что ты здесь делаешь? — подъезжаю я и спрашиваю чуть грубее, чем хотел. — Сеанс кончился.

— Я поняла. Я не знаю, в какую сторону ехать.

— Ты с тренером?

— Да, с Инной, она куда-то ушла...

Сейчас ее сковывает страх. Она растеряна, не может сдвинуться с места, потому что понятия не имеет, где борт, где машина, где люди. Тренера нет в зоне видимости, и я мрачно думаю, что прибью Инну, едва увижу. Какого хрена она бросила посреди льда слепую девчонку?

— Я тебя провожу. Дай руку.

Она стискивает зубы и буквально заставляет себя поднять руку. Я обхватываю ее запястье и веду за собой к калитке. У нее холодная и тонкая кожа, мне кажется, что если я сожму чуть сильнее, то сделаю ей больно. У самого края, чтобы Настя не запнулась о борт, я притормаживаю, и она врезается в меня, оказываясь слишком близко, практически в моих руках.

— Осторожно, ступенька, — говорю я и понимаю, что испытываю странное возбуждение от ее близости.

Твою же мать. Это просто отголоски встречи с Надей. Она так и не дала мне нормально расслабиться, включив свои нотации. И теперь я готов пожирать взглядом каждую бабу, которую вижу. И чувствую.

— Где твои чехлы?

— Не знаю. Я отдала их Инне.

— Потом заберешь. Я доведу тебя до раздевалки.

Мы вместе выходим с арены и медленно — ей неудобно идти без чехлов — направляемся к раздевалке. Я держу Никольскую под локоть и чувствую себя странно. Нет смысла врать себе: она винит меня в том, что случилось. Маленькая эгоистка нашла, на кого спихнуть ответственность за собственную дурость.

И все же часть меня ее жалеет. Каково это: быть вынужденной принять помощь человека, которого

ненавидишь? Я — призрак прошлого, напоминание о жизни, которой у нее никогда не будет.

— Садись сюда.

Подвожу ее к скамейке и усаживаю.

— Дай ключ от шкафчика.

Она копается в кармане в поисках ключа, а потом я забираю из ее шкафчика сумку, ставлю на скамейку рядом и кладу ее руку на замок.

— Твои вещи. Попросишь кого-нибудь довести тебя до холла.

Молчит, наклонившись: пытается расшнуровать коньки. Сначала не может нащупать узел, зато потом разувается быстро и профессионально. Навыки не вытравить четырьмя годами бездействия.

Несколько минут я еще наблюдаю за ней, не зная, слышит ли она мое присутствие. Я читал где-то, что у слепых очень развит слух, но где именно, вспомнить не могу. Потом слышу голоса, в раздевалку вваливается очередная партия девчонок, готовящихся репетировать, и я ухожу. Перед тем как выйти, краем глаза вижу, как растерянно и немного нервно озирается Настасья, вдруг оказавшаяся в гуще толпы.

Но, в конце концов, я ей не нянька. Как-то же дошла до катка. Значит, найдет и дорогу обратно.

Глава 2

Настасья

Я принципиально не хожу ни в какие реабилитационные центры и не слушаю блоги из серии «Как жить без зрения». Психолог говорит, это потому,

что я еще надеюсь, подсознательно думаю, что такое положение временно. Но она не знает, что именно я три года назад сказала: «Хватит!» Больницы, обследования, процедуры... мне не хотелось провести всю жизнь в окружении пищащей, стрекочущей и щелкающей медицинской аппаратуры.

Поэтому я надела очки, взяла трость — и спряталась от всех. Удалила все контакты из записной книжки, отказалась общаться с бывшими подругами. Отныне для меня существовали только отец и братья. Даже экономка почти не говорила со мной, то ли не зная, как общаться с такими, как я, то ли вздохнув с облегчением. Одной капризной хозяйкой меньше.

Не знаю, сделала ли меня потеря зрения менее капризной?

Четыре года назад я прилетела домой, открыла папин бар, выпила половину бутылки вермута, взяла из ящика ключи и поехала на отцовской машине. Я до сих пор смутно помню тот вечер, последнее воспоминание — как пью стакан за стаканом, захлебываясь в слезах, а потом прихожу в себя в палате. Адски больно, страшно, хочется пить и... темно.

С тех пор темнота так и не отступила, а я с ней свыклась. И даже подружилась, ведь в темноте во многом проще. Я скучала по льду, по полноценной жизни, но одновременно с этим будто выдохнула. Больше никто не ждал от меня медалей. Больше никто не оценивал, как куколку в музыкальной шкапулке. Если ты не пластична, не музыкальна и недостаточно гибкая — ты не заслуживаешь внимания, а если ты не на пьедестале, то зачем вообще ты тренируешься? Это девиз группы, не мой. Уже очень давно не мой.

Жизнь фигуриста подчинена своду строгих правил и запретов. Держать вес. Тянуться. Нарращивать мышечную массу для прыжков. Настраиваться психологически. Выкатывать программы раз за разом, пока не получится идеально, пока не услышишь скупую похвалу от Алекса и не уползешь домой вконец разбитая.

И самый страшный кошмар: если вдруг Крестовский увидит, что ты набрала даже не килограмм, хоть триста граммов веса. Мне до сих пор снится, как я встаю на весы, вижу там цифру «55» и по коже идет мороз. Рядом стоит Алекс, я вижу в его глазах раздражение, и меня начинает тошнить... а затем просыпаюсь — и вместо весов перед глазами тьма. Даже не знаю, что лучше.

Сегодня я иду на лед. Внешне я стараюсь ему соответствовать: быть такой же холодной, но внутри все трепещет, в животе скручивается тугой узел. Я так боюсь! Боюсь встретить знакомых, боюсь не суметь встать на коньки, боюсь травмироваться. Папа выкупил всю арену, но от этого не легче.

— Привет, я Инна, — слышу равнодушный женский голос. — Ты готова? Твое время началось.

Я хочу попросить ее помочь зашнуровать коньки, но равнодушие и металл в голосе не дают это сделать. Трачу непозволительно много времени на шнуровку и неуклюже иду к выходу на лед, осторожно ошупывая палкой пространство перед собой. Странная, должно быть, картинка: девчонка в коньках, с тростью и в очках.

Плохо не иметь возможности узнать собеседника, особенно того, от кого ближайший час будет зависеть мое здоровье. Возможно, будь Инна подружелюбнее, я бы попросила прикоснуться к ней,

чтобы понять, как она выглядит, хотя бы какого роста. Но, увы, не всем людям приятно работать с такими, как я.

— Что ты умеешь? Ты умеешь стоять на коньках?

— Да, я каталась в юности.

— Тогда поехали.

Рука дрожит, когда я хватаюсь за бортик и неуклюже встаю на лед. Слышу, как Инна отъезжает на несколько метров, вдыхаю прохладный воздух и мысленно говорю катку: «Привет». Я скучала.

Делаю осторожный шаг... толчок... фонарик. Мышцы после длинного перерыва плохо слушаются, но тело еще не забыло азы. Мне нужно несколько минут, чтобы поймать баланс, а потом я без проблем еду на голос тренера. Она зовет меня с конца катка, и основная задача — ехать прямо и без выкрутасов. Мой максимум сейчас — змейки, фонарики, дуги и другие упражнения, которые делают дети, только-только пришедшие на лед.

Но я вынуждена признать, что счастлива. Ощущение скольжения, настоящее, а не пришедшее во сне, дарит приятную легкость голове. Я в своей стихии, я на льду, и как я хочу снова видеть, иметь возможность зайти на прыжок или войти во вращение, знают только боги!

— Можно мне на середину катка? — прошу я. — Хочу попробовать вращение.

Это не просто сложно, это адски сложно. Я начинаю с циркуля: ставлю правую ногу на зубец, а левой на внутреннем ребре пытаюсь кружиться. Меня пошатывает, тело никак не хочет ловить нужный баланс.

— Ты тут покрутись, я отойду, лады? — говорит тренер.

«Нет! Я боюсь остаться одна!» — хочется закричать мне, но я молча киваю и беру себя в руки.

Нельзя же, в самом деле, как ребенку, паниковать, что тебя оставили одну.

Некоторое время я еще пытаюсь возвращаться, но вскоре понимаю, что это гиблое дело. Может, потом, когда я немного освоюсь, что-то и получится, но сейчас я — слепой котенок, который, если будет шалить, носом соберет все борты.

— Инна? — зову. — Я хочу закончить. Для начала достаточно.

В ответ сначала тишина, а затем — гул голосов, чей-то смех и шум. На лед готовится выйти новая группа, время, отведенное мне, заканчивается. Тренера нет, а в какой стороне калитка я, естественно, уже давно забыла.

— Инна, я замерзла! Инна!

Кричи не кричи, а тренер, похоже, свалила с концами. Придется осторожно ехать до бортика и пытаться нащупать калитку, но, если ее закрыли, я вряд ли быстро найду щеколду. Но можно попросить помощи у девчонок... если обида и унижение позволят. Я ненавижу такие моменты! Чувствую себя беспомощной и растерянной.

Вдобавок ко всему слышу шум выезжающей на лед заливочной машинки и паникую. Спокойно, Настя, водитель же заметит тебя и поможет найти выход. Кто-нибудь заметит...

— Эй! Ты слепая?!

Сердце пропускает удар, за ним другой, и мне кажется, вновь биться уже не начнет. Сначала кажется, это просто сон, потому что голос этого человека я слышала, лишь когда закрывала глаза и отключалась, но спустя еще несколько секунд кто-то

тормозит рядом. Я чувствую запах знакомого парфюма и едва удерживаю себя, чтобы не отшатнуться.

Спокойно. Я — лед. Ледышка, не чувствующая ничего. Холодная и недосыгаемая.

— Что ты здесь делаешь?

Боже... его голос так близко, как будто я попала в прошлое. Мне кажется, сейчас услышу «давай прогон КП» — и над катком разнесутся звуки «Ромео и Джульетты».

— Сеанс кончился.

— Я поняла. Я не знаю, в какую сторону ехать.

Хотя теперь, наверное, знаю, ведь я слышала, откуда подъехал Алекс. Но все равно делать шаг в темноту, когда рядом шумит машина и гомонят какие-то девушки, сложно.

— Ты с тренером?

Вряд ли Инну можно назвать тренером. Я без зазрения совести расскажу отцу, как меня бросили посреди катка, заставив униженно просить помощи, и Инны здесь больше не будет. Ну... в том случае, если она не любовница Крестовского, конечно. Эта мысль оставляет едкий привкус.

— Я тебя провожу. Дай руку.

Казалось, хуже уже быть не может, но вот я еду и чувствую, как горячие пальцы сомкнулись на моем запястье. Он держит совсем невесомо, сжимаемая совсем чуть-чуть, но у меня ощущение, что руку закрыли в колодке. Возле калитки я спотыкаюсь — и падаю практически на руки Крестовскому. Мне бы очень хотелось увидеть его лицо в этот момент. Что оно выражает? Раздражение? Отвращение? Очки почти спадают, но я успеваю удерживать их.

Брат и папа говорят, что мне совершенно необязательно носить такие очки, но застывший слепой взгляд мне видится еще более жалким. К тому же несколько мелких шрамов возле глаз — туда попали осколки лобового стекла — наверняка не добавляют мне очарования.

Я окончательно теряюсь. Не понимаю, куда мы идем, через какую калитку вышли со льда, куда Алекс ведет меня. Это, пожалуй, бесит больше всего: я могу самостоятельно себя обслуживать, передвигаться по дому, по городу с навигатором, пользоваться компьютером, интернетом... но когда кто-то ведет меня, становлюсь совершенно беспомощной. Стоит лишь на миг погрузиться в мысли, перестать ориентироваться в пространстве, нарисованном воображением, и вот паника накрывает с головой, и даже то, что я узнаю раздевалку, не приносит облегчения.

Еще одно прикосновение руки: Алекс берет мою ладонь и кладет на замок сумки.

— Твои вещи. Попросишь кого-нибудь довести тебя до холла.

Вообще-то это обязанность Инны, папа обговаривал отдельно, что она встретит меня в холле, отведет в раздевалку и проделает этот же путь в обратном направлении после тренировки. Но Инна самоустранилась, и мне придется или ковылять самой, или позвонить водителю, чтобы поднялся.

Раздевалка наполняется голосами. Я напрягаюсь. Хочется как можно скорее остаться одной, забиться в угол и приходить в себя от такого стресса, я не была одна среди людей уже очень давно, со мной всегда кто-то из домашних. А сейчас я по-

среди шумного моря, в толпе заливисто хохочущих девчонок. И вдруг среди всеобщего гама слышу свое имя:

— Настя?

Черт! Черт! Черт!

Я как будто попала в свой же кошмар, где сначала появляется Алекс, а за ним следом Гаврилова. Когда-то мы были главными конкурентками на юниорском уровне, вся страна (по крайней мере, та ее часть, что следила за фигурным катанием) ждала нашего противостояния на взрослых стартах. Противостояния так и не случилось. Я попала в больницу, снялась с чемпионата России, лишилась квоты на чемпионат мира. Гаврилова все это выиграла и позже, через год, стала чемпионкой мира в шестнадцать лет. Первая и пока единственная чемпионка мира Алекса Крестовского.

Я слушала тот чемпионат, захлебываясь слезами, а после встала и поклялась забыть и об Алексе, и о Гавриловой.

— Никольская, это ты?

— Здравствуй, Света.

— Какими судьбами? Выучила четверной аксель и пришла похвастаться перед неудачницами?

— Похоже, чтобы я могла чем-то хвастаться?

— Похоже, ты забыла, что тебе здесь не рады.

— Ты и твои подружки? Так я не к вам пришла.

— Алекс вроде тоже ночами твое имя не повторяет.

— А ты вообще не спишь, каждое его слово ловишь? Тогда понятно, почему тебя отправили на пенсию в девятнадцать.

— Сука!

— Грибница.

НЕ ПРИКАСАЙСЯ!

Гаврилова смеется, а вот остальные притихли. Или наслаждаются шоу, или чувствуют себя неловко. А может, снимают наш скандал на телефон.

— Приятного вечера, Настя, — елейным голоском произносит Света и сбрасывает все мои вещи со скамейки.

Я слышу, как разлетаются чехлы, как переворачивается сумка и из нее выпадают все вещи, включая кошелек и мобильник. Помада закатывается под шкафчик, но на нее мне плевать, мне нужны телефон и кошелек, все остальное не представляет ценности. Под мерзкое хихиканье я опускаюсь на пол и пытаюсь нащупать мобильник. Когда пальцы касаются краешка чехла, кто-то ногой легонько отпихивает его подальше.

Раздевалка пустеет. Я все так же сижу на холодном полу. Что ж, встреча с прошлым состоялась. Два-ноль... и совсем не в мою пользу.

* * *

Водителя еще нет, он застрял в пробке на кольце, и я иду в ресторанчик, что находится на территории клуба. Мы часто заходили туда, когда тренировались. Правда, нормы калорий запрещали брать что-то из меню, так что мы перепробовали весь ассортимент чаев, а еще обожали фруктовый лед: шарик на двоих, чтобы утром весы не порадовали лишними граммами, и наслаждайся запретным лакомством.

Когда-то мы со Светой Гавриловой были подругами. А сейчас я сижу за столиком в нашем ресторанчике одна и глотаю слезы обиды, потому что момент, когда я ползала по полу в поисках вещей,

запомню на всю жизнь. Неужели ее ненависть ко мне настолько сильна, что даже факт моей слепоты не остужает ярость? Или я давно не общалась со Светой и теперь это просто ее характер?

А еще мне интересно, спит ли она с Крестовским. Я ругаю себя за эти мысли, потому что поклялась забыть о нем, забыть обо всем, что связывало меня с тренером, но не получается. Я слишком слабая, чтобы быть сильной.

Слышу шаги и поднимаю голову на звук. Как испуганный зверек, вслушиваюсь, напрягаюсь.

– Привет. У тебя свободно? – Голос принадлежит какому-то парню.

– Да. А что, другие столики заняты?

– Как видишь...

– Вообще-то не вижу. – Я вытаскиваю из-под стола трость.

– Блин... прости! Я идиот. Я только что получил премию «За неоценимый вклад в развитие идиотизма в России».

Невольно я улыбаюсь.

– Все в порядке. Садись.

– Как тебя зовут?

– Настя.

– Никита. Есть такое издательство, знаешь? «Настя и Никита».

– А не лихо ли ты поставил буковку «и»?

Он смеется, и я отмечаю, что смех у него очень красивый. Как же хочется прикоснуться и «посмотреть» на нового знакомого! Интересно, позволит ли?

– Ты плачешь? Почему?

– Не плачу. Просто аллергия.

– Часто здесь бываешь?

— Раньше бывала. А теперь, — я легко касаюсь очков, — не очень.

— Что-нибудь посоветуешь из меню?

— А ты спортсмен?

— Я плаваю в свободное время.

— Тогда возьми шпинатную вафлю с креветками и авокадо. Безумно вкусная.

— Идет! А могу я угостить тебя десертом, Настя без «и»?

Странное ощущение. Меня никогда не угощал парень. Я вообще встречалась с мальчиком лишь однажды, когда мне только-только исполнилось пятнадцать. Мальчик был из соседней группы одинокчиков, и вскоре наш роман затих, придавленный соревнованиями, сборами и тренировками.

Вскоре нам приносят заказ. Я получаю прохладный коктейль в высоком бокале и тарталетку с сырным кремом и фруктами. Очень легкое и приятное сочетание. Или мне так кажется, потому что, окруженная вниманием Никиты, я расцветаю.

Мы болтаем о какой-то ерунде, и я уже почти решаюсь попросить разрешения прикоснуться, как вдруг слышу стук каблуков и нутром чувствую: это не к добру. Я готова поклясться собственной тростью, что рядом сейчас стоит Гаврилова.

— Флутцерша, — презрительно бросает она, смахивает со стола бокал с мохито, прямо мне на колени, и быстро уходит.

— Ни хрена себе, — изумленно выдает Никита. — Ща, погоди, я...

— Стой! — Я протягиваю руку и кладу ему на локоть. — Не надо. Все нормально.

— Это ты называешь нормально?! Кто она вообще такая?

— Мы вместе тренировались. В детстве дружили, попали в одну группу на катке.

— А потом?

— Потом стали конкурентками. Света получила травму на тренировке и решила, что это я все подстроила, чтобы занять ее место на этапах Гран-при. Я поехала вместо нее по решению федерации. Она с тех пор меня ненавидит.

— А как она тебя назвала? Это что-то обидное?

— Флутцершей? Лутц — это такой прыжок. Если его делать с неверного ребра, он очень похож на флип. Поэтому неправильный лутц часто издевательски называют флутцем. Я прыгала его неправильно.

— В который раз убеждаюсь, что женский коллектив — абсолютное зло. Вот прямо темнейшее! Если бы Толкин был умным мужиком, он бы сделал главным злодеем «Властелина колец» женский коллектив. Фродо, Сэм и Голлум, преодолевая и преодолевая, отважно карабкались бы к горе под смертельным взглядом бухгалтерии какой-нибудь фирмы.

Я смеюсь, и обида постепенно проходит. Только платье испорчено: мокрое, липкое. Говорят, оно красивое.

— Слушай, Насть, я покажусь, наверное, бестактным, но... как ты прыгала эти... флитцы... ну...

— Я ослепла четыре года назад, из-за аварии. Не знаю точно, что произошло... ожог или травма. Не помню. До этого я была фигуристкой.

— Ого. Прости, неприятно, наверное, вспоминать.

— Да. Не самая лучшая часть жизни.

— Но раз ты давно не выступаешь, почему эта деваха так на тебя выбесилась? Должно уж отпустить, ты всяко потеряла больше ее.

— Я не знаю. Наверное, ее ненависть очень сильная. Да и не только ее...

— Наверное, ты была крутой фигуристкой.

— *Посредственность*, — слышу я голос Алекса.

Прислоняюсь ухом к двери и вся обращаюсь в слух.

— *Но она этап выиграла.*

— *Там не у кого было выигрывать. Кубок водокачки. Это раз и два — Гаврилова восстановилась, нельзя ее просто отцепить, потому что Никольская что-то там выиграла. Был уговор: Настасья заменяет Светлану. Светлану больше не нужно заменять. На этап идет она, на чемпионат мира — та, кто будет выше на чемпионате России. Все, решение окончательное.*

— *Ох, не нравится мне все это, — вздыхает директор. — Родители Никольской тоже в восторге не придут.*

— *Да плевать, Серег, Никольская деревянная. Растяжки никакой, центровка на вращениях нулевая. Аксель прыгает через раз, да и он ее не спасет, японка тоже прыгает. Сколько мы еще за лутц в протоколах будем получать? Ну, давай смотреть с точки зрения статистики. У кого больше шансов взять золото на этапе? У Никольской с флутцем и кривыми ножками или у Гавриловой с идеальным бильманом и лутц-ритмом?*

— *Это единственная причина, по которой ты хочешь снять Никольскую?*

— *Что, прости?*

— *Да брось, девчонка в тебя влюблена. Скажи мне, что ты не прикладываешь ее со всей дури об лед, только чтобы она избавилась от этой влюбленности.*

— *Серега, ты не директор, ты — главная сплетница клуба. Я хочу медаль. Медаль, мировой рекорд и призовые. А еще контракт для Гавриловой, с кото-*

рого тоже хорошо капнет. В кого влюблена Никольская и на что она рассчитывала, не мои проблемы. Работать надо было лучше.

— Я была посредственностью. Просто так получилось.

— А я вообще на коньках еле стою. Ковыляю, как маленький ребенок, знаешь, ножками внутрь. Такой гномик-кривоножка.

Я смеюсь, представляя себе эту картину.

— А как ты выглядишь?

— Черт, соврать, что офигенно, будет некрасиво, да? Ладно. Метр восемьдесят рост. Темные волосы. Карие глаза. В общем-то, и все... слушай, я не умею себя описывать. Один нос, два глаза, два уха, не торчат.

— А можно я сама? Руками?

— Давай, — с явным любопытством соглашается Никита.

Подставляет лицо, и я осторожно касаюсь самыми кончиками пальцев, изучаю и рисую портрет в воображении. Наверняка он безумно далек от оригинала, но это лучше, чем ничего.

— Ты симпатичный.

— Ты тоже. Оставишь номер?

Я замираю, застигнутая просьбой врасплох. За тот час, что мы сидим в ресторане, я уже смирилась с тем, что скоро приедет водитель и мы с Никитой расстанемся навсегда. Наверное, поэтому я ему и рассказала куда больше, чем обычно рассказываю о себе.

— Зачем тебе номерок слепой девушки?

— Затем, что с тобой интереснее, чем с большинством зрячих. А еще ты не смотришь постоянно в телефон. Черт... прости, это было бестактно, да?

— Все хорошо. Запиши номер сам.

Пока я диктую телефон, звонит водитель — ждет у ворот. Никита наотрез отказывается взять деньги за мой заказ, оплачивая не только десерт, но и салат, который я съела до того, как он пришел. И помогает дойти до машины. Неожиданно приятное ощущение, когда тебе несут сумку и за руку подводят к воротам.

— Тебе можно ходить на свидания?

— Мне же девятнадцать. Если я заявлю отцу, что пошла на свидание, он собьет люстру, подпрыгнув от счастья.

— Тогда приглашаю. Попробую достать билеты на «Принзза».

— Супер! Я буду очень рада.

— Тогда до встречи.

Машина ползет по городу, усеянному пробками. Две минуты движения — пять минут стояния на месте. Но сейчас это даже не раздражает, на моих губах мечтательная улыбка. Даже если Никита никогда не позвонит, эти несколько дней, что я буду мечтать о встрече с ним, ценнее месяцев полной апатии. Я не привыкла к такому количеству эмоций.

Радость от возвращения на лед. Страх от того, что осталась одна. Разбередивший душу и старые воспоминания Алекс. Обида и унижение от Гавриловой. Робкая радость и, наконец, мечты о светлом будущем благодаря знакомству с Никитой. Я всегда смеялась над шутками про девушек, придумывающих имена будущим детям после первой же встречи с парнем. А сейчас сама превращаюсь в одну из них.

Снова звонит телефон. Наверное, это отец, и сейчас я ему нажалуюсь на Инну.

— Анастасия? Здравствуйте. Меня зовут Диана Копырева. Я — ассистент продюсера Геннадия Киреева, создателя передачи «В тренде». Насколько мне известно, четыре года назад вы тренировались в группе Александра Крестовского, верно?

— Да, а что такое?

— Мы хотим предложить вам стать героиней нашей передачи. Каждый месяц мы приглашаем гостя с интересной судьбой, какую-то яркую медийную личность, и делаем большое интервью. В связи с популярностью фигурного катания мы решили пригласить вас.

— Но я уже не действующая фигуристка. И... я слепая.

— Мы знаем, Анастасия. Именно поэтому предлагаем вам рассказать свою историю, донести до наших зрителей, что спорт — это не только взлеты, но и падения, крутые виражи. Мне кажется, вы сможете вдохновить тех, кто не делает ничего и говорит «не могу».

— Боюсь, я вынуждена...

«Гаврилова — чемпионка мира, а Никольская завершила карьеру. Вы серьезно спрашиваете, кто был сильнее?»

— ...согласиться. Да, я приму ваше предложение.

Глава 3

Алекс

У меня едет крыша. Другого объяснения нет, потому что встреча с Никольской выносит мозг, превращает обычный вечер с боевичком и едой

НЕ ПРИКАСАЙСЯ!

35

из ресторана в какой-то долбаный цирк. Я настолько не ожидал встретить ее, что сейчас сижу и пялюсь в одну точку, проигрывая в голове детали встречи.

Она выросла. Набрала вес, что ее совсем не испортило. Теперь это не тощая девочка-скелет со слабо прорисованными мышцами. Это красивая девчонка с формами, которую совсем не испортило фигурное прошлое.

Только слепая. Какая, в сущности, мелочь.

Я сам не знаю, почему встреча с ней так меня будоражит. Почему вдруг она никак не выходит у меня из головы: крошечная фигурка посреди льда, растерянная и испуганная. Цепляющаяся за меня, запутавшаяся в коридорах.

Из размышлений меня вырывает звонок в дверь. Кто еще в такое время?

— Привет! — Надя улыбается и демонстрирует бутылку вина. — Решила заскочить, обсудить стратегию на следующий сезон. И заодно...

Проходит в коридор, небрежно бросает сумочку на полку шкафа и прижимается ко мне, соблазнительно облизывая губы.

— ...исправить дневные ошибки... мы так и не насладились друг другом.

Пожалуй, это то, что нужно, чтобы отвлечься. Я отвечаю на поцелуй, одной рукой расстегивая ее платье. Увлекаю в спальню.

— А вино... — задыхаясь, напоминает Надя.

— Плевать на вино. Хочу тебя. Сейчас.

Мы целуемся, умудряясь одновременно с этим скидывать одежду. Член уже каменный, я жажду трахнуть эту девку, я хочу ее с тех самых пор, как увидел на собеседовании. Да что там, она дала мне

прямо там, в кабинете, когда закончили с рабочими вопросами. Охрененная девка, практически идеальная.

Надя медленно опускается на мой член, прогибается в пояснице и немного театрально обхватывает ладонями груди, играя с напряженными темными сосками. Я впиваюсь пальцами в ее бедра, приподнимая и снова опуская, едва не кончая от ее сдавленных всхлипов. И чем дольше трахаю ее, тем отчетливее в голове совершенно другой образ. Русые мягкие кудри... закушенная от напряжения губа... хрупкое запястье, светлая кожа...

Останавливаюсь. Надя разочарованно стонет и пытается двигаться сама, но я поднимаю ее и усаживаю на постель.

— Алекс... что такое?

Задумчиво останавливаюсь перед шкафом, находя в куче какого-то подарочного барахла коробку с шейным платком и сворачиваю его так, чтобы получилась повязка. Сейчас я кажусь самому себе ненормальным психом, но когда завязываю на глазах рыжеволосой шлюшки шарф, чувствую, что если не трахну ее, то свихнусь.

Хочу ее. Жестко. Сзади. Чтобы все чувства обострились в разы. Чтобы слышала мое хриплое дыхание. Чтобы каждой клеточкой тела ощущала мой член в себе и была в абсолютной власти.

Движения слишком рваные, импульсивные. Напряжение, накопившееся за день, выплескивается в постели, я наслаждаюсь видом обнаженной девичьей спины с изящной линией позвоночника, выгнутой поясницей. Одна из любимых поз, при должном настрое приносящая удовольствие и женщине, и мужчине. Для Нади оно сейчас еще ярче:

она в полной темноте, в моих руках, чувствует лишь то, что я позволю.

Наде нравится новая игра. А мне кажется, я качусь в пропасть. Так стремительно, что захватывает дух. Ненавижу сам себя за мысли и фантазии, возникающие в голове, но ничего не могу с ними поделать, сейчас они сильнее, сейчас они подчиняют меня себе.

Имя этой пропасти — Настя.

— Как ты меня назвал?!

Твою ма-а-ать. У меня нет слов, и я сам в шоке от того, что произнес ее имя вслух. Это какой-то бред, потому что четыре года я вспоминал о ее существовании один раз: на проклятом интервью, которое теперь крутят в холле.

— Надь...

— Отвали от меня, Крестовский!

— Твою мать, Надя!

— Выйди из меня, я сказала! Отвали!

Она действительно не настроена продолжать, а я — играть в сексуального насильника и трепетную жертву. Вырвавшееся имя остается на губах странным привкусом, каким-то одновременно горьким и пряным.

— Кто такая эта Настя?

— Надя, у меня катается два десятка допубертатных девиц, которые ежедневно косячат и лезут, куда не просят. Я ору это «Настя!» по тридцать раз за день. А еще «Катя!», «Света!», «Лиза!» и «Ну Маргарита Ивановна, вашу мать, куда вы опять со своей шваброй, я работаю, вон из кабинета!».

— Но Маргаритой Ивановной в постели ты что-то не спешишь меня называть.

— На что ты намекаешь?

Я чувствую злость. Что за, на хрен, сцена ревности? Она совсем поехала крышей?! У нас просто секс, потрапушки двух человек, которые слишком заняты работой, чтобы заводить отношения.

— Я ни на что не намекаю, Алекс, кроме, того что, знаешь ли, неприятно слышать чужое имя в такой момент.

— Да, я заработался и задумался, ну уж прости! — рычу, отхожу к бару и достаю бутылку с коньком. — Давай меня убьем за это.

А сам думаю о том, что если Надя увидит Никольскую, то выбесится еще сильнее. Хотя, думается, после Инниного косяка Никольская за километр будет обходить каток.

— Если ты сейчас попыталась намекнуть на мои отношения с подопечными, то лучше собери шмотки и свали на хрен, Надя.

— Я не имела в виду...

— Я слышал.

— Ты можешь понять, что мне обидно?! Сколько мы вместе? Два года? Алекс, два года! И топчемся на месте. А теперь у тебя вылезает какая-то Настя. Ты думаешь, я совсем идиотка? И не могу отличить обычную оговорку от...

— От чего? — Я криво усмехаюсь. — От необычной? Настя — идиотка, которая вылезла на каток поперек заливочной машины и чуть было не размазалась по льду. Все. Конец истории. Если бы мне не приспичило на ночь глядя покататься, завтра мы бы на хрен все поехали в кутузку. Довольна? Достаточная причина, чтобы заговориться? Все, сгинь с глаз моих, вывела.

Пока недовольная Надя одевается, я стою у окна, рассматривая улицу в огнях. Час еще ран-

ний, но машин почти нет. Деловой центр города вымер с окончанием рабочего дня, тусовочный переместился чуть дальше, в квартал с клубами и ресторанами. Вся жизнь бомонда сейчас там, и можно одеться, пройтись несколько минут — и поужинать в каком-нибудь пафосном ресторанчике, подцепить симпатичную девчонку из числа тех, кто ходит в такие места ради чашки кофе на весь вечер и знакомства с богатым любовником. Ну, или мужем в перспективе, но это не мой вариант, я слишком привык жить один.

А можно сесть в машину (хотя теперь уже нельзя, после трех хороших глотков коньяка) и рвануть на север, за город, в коттеджный поселок, где живут брат с семьей. Там — елки и летний ветер, может, шашлыки. Носится орава детей. И где-то рядом есть дом, где живет слепая девочка Настя. Которая сегодня своим именем испортила мне горячий вечер.

— Счастливо оставаться, — бросает Надя.

Напоследок громко хлопает дверью.

Наутро я прихожу на работу злой, как собака. Даже не собираюсь скрывать, что полночи пил, вторую половину работал, просто хочу, чтобы все оставили меня в покое. Закрыться в кабинете, выжрать литр кофе и на утреннюю тренировку старшей группы прийти в более или менее человеческом обличье.

Но, как назло, на глаза попадаютя совсем не те люди, что способствуют восстановлению мира и баланса.

— Алекс! — Серега ловит меня уже в холле. — Какого хрена ты орешь на всех?

— Достали. Ты видел составы на этапы?

– Нет еще, только пришел. А...

– Инна! – ору я, увидев эту идиотку в дверях. –
Иди сюда, сука тупая!

– Алекс! – возмущается Серега.

– Инна, ты уволена!

– Что?! – ахает она.

Смотрит на Серегу в поисках поддержки, но вообще это она напрасно. Во-первых, он мой брат. Во-вторых, мы давно работаем вместе и при всей склонности орать на тех, кто меня бесит, я редко увольняю людей просто за то, что они меня с утра раздражают.

– За то, что оставила слепую девчонку на льду без присмотра! Ее чуть машинкой не переехало, ты вообще соображаешь, что творишь?!

– Но я... мне просто надо было отойти...

– Надо было вывести ее со льда и посадить на скамейку, тем более что до конца аренды оставалось всего ничего. Какого хрена я тебе правила объясняю?! Сколько, черт возьми, раз вам на инструктаже говорили: НА ЛЬДУ ПРИСУТСТВУЕТ ТРЕ-НЕР! Даже если у вас всего один человек, даже если это профессионал, даже если это чемпион вселенной! Ты понимаешь, что села бы, если бы она травмировалась? Ты соображаешь, что если бы там был ребенок, машинка его могла бы и не заметить? Ты вообще хоть о чем-то думаешь, или в башку свою исключительно жрешь?!

– Инна, – прерывает меня Серега, – в мой кабинет, пожалуйста, через полчаса.

Когда она уносится в слезах, брат поворачивается ко мне:

– Полегчало?

– Не особо.

— Это на тебя встреча с Никольской так подействовала?

— Встреча с Никольской добавила мне седины. Скоро придется воровать у твоей жены краску для волос. Найди ей нормального тренера, если так приспичило ползать по льду, не разбирая дороги. Потому что Инна, конечно, идиотка, но сидеть с ней, если что, тебе, я полагаю.

— Да, ты прав, — вздыхает брат. — Я почему-то подумал, что молодая девчонка найдет контакт с Настей. Ее отец очень просил поставить девочку на лед, она скучает после аварии. Я думал, Инна справится с обычным катанием... ладно, раз молодежи поручать ничего нельзя, займешься Никольской сам. Возьми в помощники Риту, пусть учится на простеньком.

— Что?

— Что? — Серега смотрит удивленно. — Ты был ее тренером, ты — взрослый и, мне хочется верить, умный мужик и не станешь оставлять слепую подопечную рядом с опасными машинами. У меня нет других кандидатов.

— Серега, ты охренел? На мне три группы! Скоро этапы! Надо проги ставить, дрючить их за прыжки, скоро сборы, открытые прокаты! Какая, в жопу, слепая девчонка?!

— Сборы в конце лета, прокаты в начале осени, проги ты лично никому не ставишь, а два часа времени среди недели найдешь.

— Да она меня терпеть не может! Ты за что ей такой стресс добавляешь?

— Алекс, я, конечно, ценю, что ты вывел «Элит» на уровень национальной сборной и чемпионатов мира. Но ты все еще числишься тренером. А отец

Настасьи Никольской — не последний человек в стране, чтобы слать его на все четыре стороны или подвергать его дочь опасности. К тому же мы у нее в долгу, не находишь?

— Не нахожу, — недовольно бурчу я.

— Ну и зря.

— Я тренер, как ты сам выразился, а не мамочка.

Никольская не справилась с обидкой и натворила дел — пусть платит сама, я здесь при чем?

— Она зрением расплатилась и уже раз десять наверняка пожалела, что вообще села тогда за руль. А ты будь с ней помягче. Обучишь Риту, она девчонка неопытная, но понятливая. И будешь заниматься своими делами, поглядывая на них со скамейки. Потом Рита перейдет из помощников в тренеры и будет заниматься с Никольской сама. Как раз к твоим сборам. Все. Это мое директорское слово. Удачного тебе рабочего дня, а я — увольнять Инну.

— Козел ты, Серега, а не директор, — бурчу я.

И, подозреваю, Никольская скажет то же самое, когда узнает, кто будет возить ее за ручку по катку. Можно миллион раз повторить, что она сама виновата, что снятие с одного соревнования, на которое ты попала из-за травмы более сильной соперницы, не повод напиваться и лезть в машину, но объективно в таких случаях половина вины на тренере. И я делаю выводы, я объясняю как могу, что никаких сантиментов и трепетных обнимашек в моей группе нет и не будет.

Можешь лучше — делай. Можешь завоевать медаль — иди и завоевывай. Оказалась хуже? Вот твоя скамейка запасных, следующий шанс используй с умом. Хотя внутри все равно сидит неясный страх, что однажды кто-нибудь из этих трех десят-

ков детей делает что-то такое же глупое и трагично заканчивающееся. И поэтому мы твердим родителям: мы — не воспитатели, мы приводим к спортивным результатам, а не лечим души ваших детей. Следите за ними, за их состоянием, берите психологов, если они нужны.

А главное, уводите вовремя, выходите из спорта, даже если родительские амбиции захлестывают и от жажды медалей вы готовы захлебнуться слезами собственного ребенка. Если видите, что не вывозит, что каждая неудача оставляет в нем след, — уводите.

Хоть кто-то прислушался? Хрена с два. «Вы проводите с ними по шесть часов в день, вот и воспитывайте светлое, доброе и что там по списку. А у меня сделка, командировка и еще двенадцать охрененно важных дел, за которыми не видно ребенка». Вот поэтому я и не женюсь: я рос в подобной семье и не хочу создать еще одну такую же.

Настасья

Гример делает последние штрихи, и я понимаю: все, отсрочка закончилась, пора сделать решающий шаг вперед.

Я никому не сказала о том, что дам интервью. Ни отцу, ни психологу, ни брату. Хотела написать жене брата, но в последний момент передумала. Поняла, что затею не одобрят, и решила оставить все как есть. Я ведь не глупая, хоть школу окончила чисто для галочки, уже потеряв зрение. Но ума хватает понимать, что за моей спиной говорят остальные.

«Она сама виновата, что села за руль». «Повела себя как обиженный ребенок, вот и получила». «Пусть учится нести ответственность за свои поступки».

Вот я и учусь. Ответственность за этот поступок настигнет всенеизбежно, но, возможно, мне станет легче.

— Готова, Настя? — Геннадий, ведущий, очень тепло общается со мной все утро и даже разрешил его потрогать, чтобы немного привыкнуть к собеседнику и успокоиться. — Ничего не бойся, мы вырежем все неудобные моменты перед тем, как пустим запись в эфир. Если вдруг какой-то вопрос покажется тебе болезненным или неприятным, просто говори: «Можно следующий вопрос?» Но постарайся отвечать. То, что я спрошу, действительно интересует наших зрителей и твоих болельщиков.

Здесь он мне льстит. Если какие-то болельщики и были, то уж точно растворились после того, как я перестала выступать. Восхитились чемпионкой мира Гавриловой — и утекли болеть за других.

— Три, два, один... поехали! Дамы и господа, рад приветствовать вас на ток-шоу «В тренде». С вами я, Геннадий Киреев, а также самые интересные истории современности! Потеряла зрение, но не волю к победе: сегодня у нас в гостях талантливая фигуристка, золотой призер этапа юниорского Гран-при, ученица одного из самых известных тренеров России, Анастасия Никольская!

Играет задорная музыка, раздаются аплодисменты. Я растерянно улыбаюсь, потому что не понимаю, куда нужно смотреть, и надеюсь, что не силь-

но отворачиваюсь от камеры. Хотя, наверное, Геннадий меня поправит, если что?

— Здравствуй, Настя, рад встрече с тобой.

— Здравствуйте, Геннадий.

— Настя, давай представим тебя нашим гостям.

Итак, ты — фигуристка, одиночница, мастер спорта и ученица Александра Крестовского, так?

— Да, все верно. Но я бывшая фигуристка, я давно не выступаю.

— Господа, поверьте, для фигурного катания это большая потеря. Но давайте начнем с самого начала. Насть, как ты вообще пришла в этот спорт и как попала к Крестовскому? Сложно было отобраться в его группу? Вообще, в какой момент ты поняла, что готова связать свою жизнь с фигурным катанием?

— На самом деле я не помню, чтобы такой момент был. Так как я родилась очень слабой, мама умерла при родах, папе сразу сказали, что меня нужно закалывать и укреплять. Посоветовали отдать в бассейн, но у меня после первого же занятия началась жуткая аллергия на воду в нем. И тогда брат привел меня на каток.

— Сложно было учиться?

— Нет, у детей все проще, у них нет страха перед падением или чем-то еще. Мне показали, как стоять, я попыталась поехать. Упала, похихикала, тогда брат взял меня за руки и начал катать. Но никто не мог ездить со мной на катке регулярно, поэтому Вова...

— Вова — это твой брат?

— Да. Вова нашел мне тренера. Александра Олевича.

— Он тогда еще не был известным тренером?

— Нет. Ему было всего двадцать. Он подрабатывал обучением новичков, мы стали одними из первых его учениц.

— Мы — это?..

— Я и Гаврилова Света.

— У вас быстро набралась группа?

— Да, руководство клуба организовало групповые занятия, пригласило еще специалистов по фигурному катанию, потому что у Александра Олеговича было мало опыта. И мы неожиданно для всех начали занимать какие-то места на первенствах и небольших кубках. Тогда за нас взялись серьезно.

— У тебя не было желания уйти к другому тренеру? От неопытного и непрофессионального Крестовского к кому-то уже создавшему плеяду звезд?

Я хмурюсь. Мне не нравятся такие вопросы, но пока что повода обходить их нет.

— Нет, мне нравилось в «Элит». Я не думала о звездах и карьере, я хотела кататься и выигрывать медали.

— Получалось?

— Да.

— Но все же у Светланы Гавриловой получалось лучше.

— Да, она обыгрывала меня очень часто.

— И что случилось, когда Светлана получила травму?

— Решением федерации я поехала на этапы юниорского Гран-при и заняла первое место на одном из них.

— Но на второй тебя не пустили?

— Да. Света восстановилась, и меня сняли с этапа.

— Разве это допустимо?

Я пожимаю плечами:

— Почему нет?

Особенно если твой тренер считает тебя деревянной и ни на что не годной.

— Ты считаешь, это справедливо? Ведь у тебя, имеющей в активе золото одного этапа, был шанс на финал, а у Светланы его не было.

— Тренерский штаб решил так.

— Ты знаешь почему?

Я медлю. Кусаю губы, хоть и знаю, что на меня сейчас направлены камеры, но не могу сдержаться. Ну же, Настя, для чего ты вообще сюда пришла? Чтобы рассказывать, как Вова водил тебя на каток?

— Да, знаю. Александр Олегович считал, что я посредственна. И что у Светы больше шансов отобраться на юниорский чемпионат мира. У меня были... некоторые ошибки, которые могли мне помешать.

— Например?

— Лутц с неправильного ребра. И центровка на вращениях.

— Это достаточно серьезные ошибки, чтобы не делать на тебя ставку?

— Так решил Александр Олегович.

— Ты улыбаешься, когда об этом говоришь. Но ведь наверняка в тот момент было обидно.

— Да, конечно. Я расстроилась, следствием чего и стала авария, после которой я не вижу.

— Вот как... — Он, кажется, действительно удивлен. — Что ж, спасибо за откровенность, Настя. Понимаю, насколько для тебя непростая тема. Расскажешь подробнее?

— Я почти ничего не помню...

Помню отцовский бар и раздирающую изнутри обиду, в которой я не признаюсь на публичном ин-

тервью. Плевать на этап, на Гаврилову, которая вдруг стала врагом. Ничто не сравнится с обидой влюбленной девчонки, которая вдруг услышала про себя «посредственность» от человека, который был для нее богом.

Помню ключи от машины, помню, как неслась по ночной дороге, и это было совсем другое ощущение, нежели с Вовкой, в чистом поле. Потом помню только грохот, обжигающую вспышку — и темноту.

Было больно и очень страшно, я приходила в себя урывками, на пару секунд, чтобы снова отключиться. А когда проснулась окончательно, папа оголошал новостью. Зрение, скорее всего, не вернуть.

— Произошла авария, из-за ожога и удара я потеряла зрение. Очнулась на больничной койке и с тех пор не выходила на лед.

— Ты винишь в этом Александра Крестовского, тренера? Ведь если бы не он, не снятие с этапа и не жестокие слова в твой адрес, ты бы сейчас, возможно, покоряла новые вершины?

— Я... наверное, я виновата сама. Мне стоило... не быть посредственностью.

Глава 4

Алекс

— Александр Олегович, можно? — дверь приоткрывается и показывается Гаврилова.

— Заходи. Что у тебя?

— Мы переделали дорожку для шоу в Японии. Посмотрите?

НЕ ПРИКАСАЙСЯ!

49

— А на видео нет? Свет, вообще со временем швах, сейчас просмотр, потом план составлять...

Гаврилова широко улыбается. Красивая выросла девка и, пожалуй, единственная из моих учениц самых первых наборов осталась в спорте. Занимается шоу, потихоньку ставит показалки мелкотне и, думаю, рано или поздно или останется хореографом у нас, или пойдет на вольные хлеба и без куска этих самых хлебов не останется.

— Конечно, я для вас записала. Будете смотреть?

Поднимаюсь из-за стола, с наслаждением потягиваясь, сажусь на диван — и Света падает рядом, протягивая смартфон. В нос ударяет довольно противный запах сладких духов. Какая-то ваниль с карамелью, посыпанные шоколадом.

— Вот здесь тебе влево уходить неудобно, подумай, что можно переделать. Иначе ощущение, что ты сейчас возьмешь лопату и начнешь копать.

— Хорошо, Александр Олегович, — мурлычет Гаврилова.

Я с подозрением на нее кошусь. Мне кажется, или прекрасная Светлана сейчас несколько ближе ко мне, чем требуется? И вырез в ее спортивной облегающей кофточке излишне глубок?

— Ты не простудишься?

— Что?

— Говорю, на тренировках надо кататься одетой, а на выступлениях — раздетой. А ты, по-моему, пугаешь.

— Я просто сняла толстовку. Очень жарко.

Кошусь на открытое настезь окно, при совсем не летней погоде, и хочется заржать. Хотя когда светлые кудряшки совсем даже ненавязчиво щекочут шею, ржать уже совсем не хочется.

— Свет, ты пришла дорожку показывать или что-то другое? Тебе не кажется, что я все еще твой тренер и надо бы держать дистанцию?

— Но я уже выросла из отношений тренера и ученицы.

— А я — нет. Ты еще бантик на макушку надень и гольфики. Найди себе ровесника, иначе вылетишь отсюда быстрее, чем мяукнешь. Все, дорожка нормальная, лопату только переделай.

Гаврилова дуется и хлопает дверью, почти не замечая удивленного Серегу, вошедшего в кабинет. Тот задумчиво хмыкает.

— Что? — Я могу лишь развести руками.

— Девочки выросли и обнаружили рядом с собой взрослых мальчиков?

— Смешно тебе, скотина. А мне с ними что делать? Увольнять?

— Женись.

— На всех?! Меня посадють, Серый.

— На всех не надо. Выбери одну — и женись. Заведи детей, и лезть будут меньше.

— Ты сам-то в это веришь?

— Ну так... стараюсь.

— Мне ваших хватает. А с моим графиком жена или уйдет через полгода, или прыгнет на чей-нибудь хер, что, в общем-то, одно и то же. Ты чего хотел? Просмотр? Да я их видел уже, в начале тренировки глянул.

— И как?

— Пошли, покажу.

Просмотр детей в мою группу — ежегодный ритуал «Элит». Родители приводят детишек в клуб, ставят на коньки у тренеров типа Инны, а в начале лета я смотрю тех, кто хоть что-то умеет. Есть груп-

па для начинающих, но перспективных, есть группа для тех, кто уже готов тренироваться серьезно — как правило, это уже занимавшиеся у кого-то дети. Отпрыски не самых простых родителей. Сегодня просмотр вторых.

На льду пять человек, две девчонки совершенно никакие, падают с двойных и еле выкручивают положенное число оборотов. На самом деле мне нравится только одна, такая девчонка-статуэточка, с идеально сбалансированным телом, четкой техникой. Как раз когда мы выходим к катку, она прыгает чистейший двойной аксель.

— Высота хорошая. Можно поднять до тройного.

— Да, — Серега кивает, — это Лена Азарова. Приехала из Питера.

— Ага, я видел.

— Возьмешь?

— Серег, я-то возьму, только ты ее видел? Мы ж не благотворительная организация. На какие деньги она будет тренироваться? Прогн ставить? Платье заказывать?

— Да я-то видел, но что я сделаю? Ее родители внесли предоплату за год. Где-то, значит, нашли. Квартиру продали или кредит взяли.

— С ума сошли? Брать неподъемный кредит, чтобы девка у меня тренировалась?

— Там, я так понял, какой-то конфликт вышел. Девчонку никуда не пускали, зажимали. А деваха катучая, компонентная. И прыжки как по учебнику. Родители решили идти ва-банк. Что мне теперь делать? Они готовы платить, если ты согласен ее взять — бери.

Я вздыхаю и качаю головой. «Элит» — частная спортивная школа. Мы с самого первого дня суще-

ствования, с того момента, как Гаврилова показала достаточный результат, чтобы участвовать в соревнованиях международного уровня, бьемся за господдержку. И получаем хрен без масла с отмазкой «Да вы там все миллионеры, сами вкладывайтесь». И вкладываемся, только в ответ берем лишь тех, кто может оплачивать свои тренировки. Это принципиальная и неизменная позиция: каким бы талантливым ни был ребенок, мы — не шоу «Минута славы». И если вдруг желающие попытаться прыгнуть в чемпионы за деньги закончатся, «Элит» останется спортивным вип-клубом и не сильно-то расстроится. Но это вряд ли случится.

Этой Лене Азаровой придется оплачивать не только тренировки, но и постановку программ, платья, перелеты и проживание. Наверное, она делала это и раньше, но сейчас ни она, ни родители не представляют, с какими тратами столкнутся.

Я должен ей отказать, потому что учебу в «Элит» она не потянет. И соревновательный режим тоже. Но девчонка действительно хороша, и... А чем черт не шутит? Если начнет выигрывать, материальное положение, может, и поправится.

— Сколько ей?

— Четырнадцать. Пятнадцать в сентябре.

— Херово.

Исполнилось бы ей пятнадцать в начале лета... вышла бы во взрослые, там больше денег и способов заработать. Не везет тем, кто родился после июля.

— Ладно, давай попробуем Азарову. Мама здесь?

— Папа, — отвечает Серега. — На трибуне. Вон, в красной куртке.

— Ну лады, пошел общаться.

